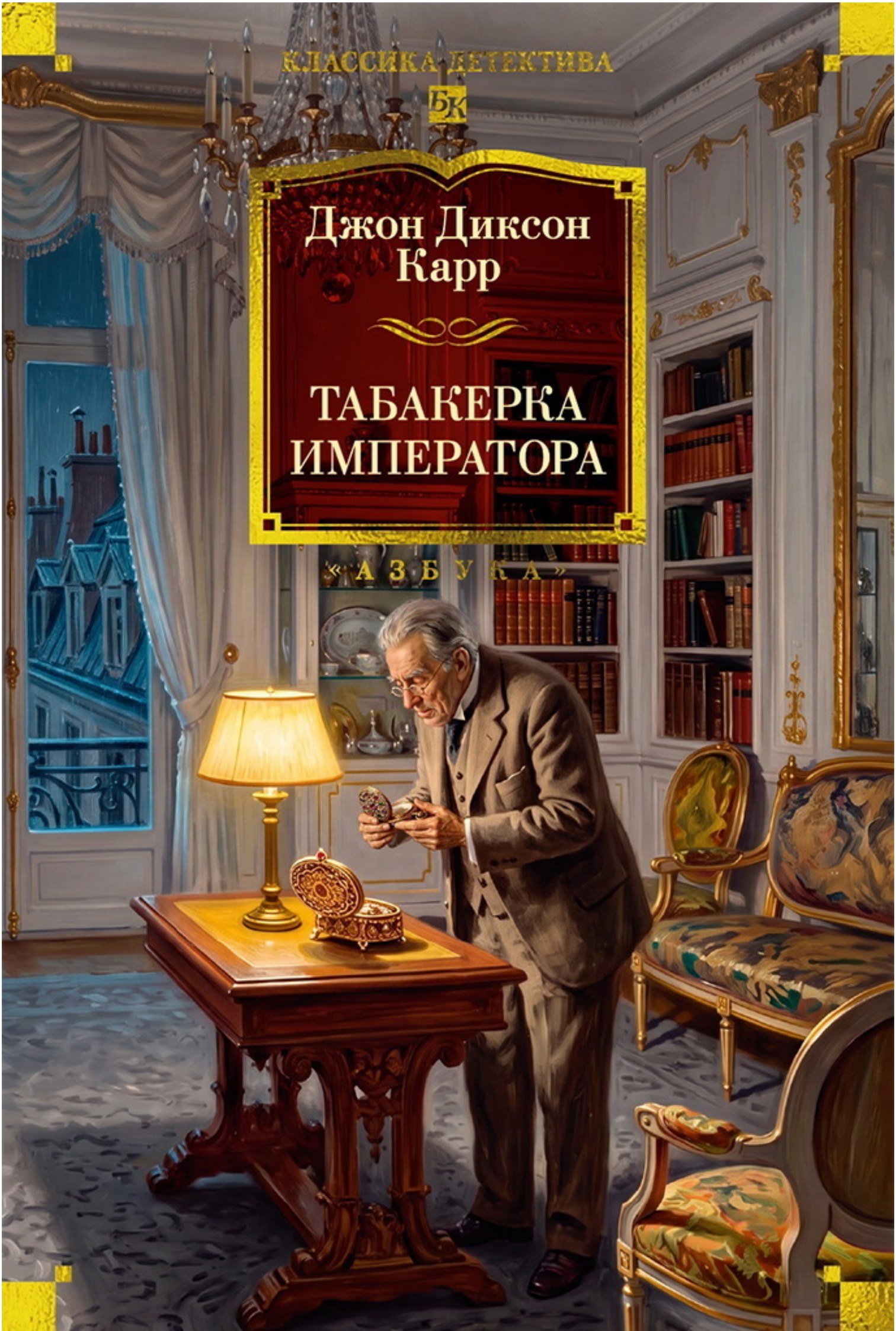
КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Джон Диксон Карр

ТАБАКЕРКА ИМПЕРАТОРА

«АЗБУКА»

Классика детектива. Большие книги

Джон Карр

Табакерка императора

«Азбука»
1942

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Карр Д. Д.

Табакерка императора / Д. Д. Карр — «Азбука»,
1942 — (Классика детектива. Большие книги)

ISBN 978-5-389-35819-5

Золотой век детектива оставил немало звездных имен – Агата Кристи, Гилберт Честертон, Гастон Леру и др. В этой яркой плеяде Джон Диксон Карр (1906–1977) занимает самое почетное место. Убийство «в запертой комнате», где нет места бешеным погоням и перестрелкам, а круг подозреваемых максимально ограничен, – излюбленный прием автора. Карр заманивает читателя в сети ловко расставленных ловушек, обманных ходов и тонких намеков и предлагает принять участие в хитроумных расследованиях. «Табакерка императора» – это психологическая головоломка об убийстве на Французской Ривьере 1930-х годов. В издании представлен классический переводы роман.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-35819-5

© Карр Д. Д., 1942
© Азбука, 1942

Содержание

Глава первая 6
Глава вторая 12
Глава третья 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Джон Диксон Карр
Табакерка императора

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Серия «Классика детектива. Большие книги»

John Dickson Carr
THE EMPEROR'S SNUFF-BOX
Copyright © The Estate of Clarice M. Carr, 1942
Published by arrangement with David Higham Associates Limited
and The Van Lear Agency LLC
All rights reserved
© Е. А. Суриц (наследник), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Перевод с английского *Елены Суриц*

© Е. А. Суриц (наследник), перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Азбука®

Глава первая

Когда Ева Нил возбудила дело о разводе с Недом Этвудом, иск ее был тотчас же удовлетворен. И хотя основанием для развода послужила связь Неда со знаменитой теннисисткой, процесс вызвал куда меньше шума, чем опасалась Ева.

Во-первых, венчались они в свое время в американской церкви в Париже, на улице Георга Пятого. А полученный в Париже развод имел силу в Англии. В английскую прессу просочилось всего несколько строк. Гнездышко свое Нед с Евой свили в Ла-Банделетте – то есть на ленточке, на полоске золотого пляжа, который в те мирные времена был чуть ли не самым модным во Франции курортом, – и лишь немногие нити связывали их с Лондоном. Словом, знакомые усмехнулись, немного посудачили – и дело с концом.

И все же для самой Евы не так унизительны были итоги развода, как сам развод. Отвратительная процедура. Сказалось, конечно, нервное напряжение, даже ее, всегда спокойную и легкую, превратившее чуть ли не в истеричку. А ко всему ей приходилось еще противостоять приговору света по поводу ее злополучной внешности.

– Милочка, – говорила одна дама, – связывая свою судьбу с Недом, надо бы знать, на что идешь.

– И вы думаете, – отвечала другая, – что виноват только он? Взгляните-ка на ее фотографию. Нет, вы только посмотрите!

К тому времени Еве пошел двадцать девятый год. На двадцатом она унаследовала состояние отца, наделенного солидным количеством бумагопрядилен в Ланкашире и непомерной гордостью за свою дочь. В двадцать пять она вышла за Неда Этвуда потому, что: а) он был хорош собой, б) ей было скучно одной, в) он всерьез угрожал самоубийством в случае ее отказа.

При своей беспечности, простодушии и доверчивости Ева тем не менее производила впечатление опаснейшей сердцеедки. Она была стройна, высокого роста; она обладала внешностью, которой дамские мастера с Вандомской площади легко придавали тождество с обликом роковой Цирцеи. Прекрасные каштановые волосы, длинные и шелковистые, как руно, она укладывала в прическу, как бы воскрешавшую пышное правление Эдуарда Седьмого. Молочно-розовый цвет лица, играющая в углах рта улыбка и серые глаза довершали иллюзию. На французов ее красота действовала безотказно. Даже судья, удовлетворивший ее иск о разводе, и тот, кажется, был несколько смущен.

По французским законам перед окончательным разводом стороны должны встретиться для последней попытки уладить отношения. Еве навсегда запомнилось то утро в кабинете судьи в Версале, пронизанное всегдашним колдовством парижского апреля.

Судья, суетливо-любезный господин с бачками, был вполне искренен, но тем не менее донельзя театрален.

– Мадам! – восклицал он. – Месье! Призываю вас одуматься, пока не поздно!

Что же до Неда Этвуда…

Казалось, он мухи не обидит. Его знаменитое обаяние, даже сейчас не оставившее Еву безучастной, освещало всю комнату, не тускнея от следов вчерашней попойки. Выражение трогательного непонятного раскаяния внушало полное доверие. Светловолосый, голубоглазый, безупречно юный, несмотря на свои далеко за тридцать, он стоял у окна с видом воплощенной предупредительности. Ева еще раз признала про себя, что он невероятно, непреодолимо привлекателен и в этом причина всех его бед.

– Следует ли мне говорить о сути брака? – вопрошал судья.

– Ой, – сказала Ева. – Пожалуйста, не надо.

– Если б я только мог убедить мадам и месье…

– Меня и не надо убеждать, – хрипло проговорил Нед. – Лично я не хотел разводиться.

Низенький судья стал даже как будто выше ростом.

– Молчите, месье! Вы виноваты. Вам и просить у мадам прощения!

– А я и так собираюсь, – отозвался Нед. – Хотите, даже на колени встану.

Он двинулся к Еве, и судья, поглаживая бачки, взглянул на него с надеждой. Нед был неотразим. И он был очень неглуп. Ева вдруг испугалась, что ей от него никогда не отделаться.

– Соответчица по данному иску, – продолжил судья, тайком запуская взгляд в бумаги, – некая мадам, – он опять заглянул в бумаги, – мадам Бульмер Смит…

– Ева, да не нужна она мне. Ей-богу!

Ева ответила устало:

– Мы ведь давно обо всем договорились, верно?

– Бетси Бульмер Смит, – сказал Нед, – корова и потаскуха. Просто не пойму, что на меня нашло. Если ты ревнуешь…

– Вовсе я не ревную. Только вот посмотрела бы я, как бы ты *ей* со злости прижег руку сигаретой. Интересно, что бы она на это сказала.

Лицо Неда приняло выражение несправедливо обиженного маленького мальчика.

– Ах вот что ты против меня затаила? Нет, ей-богу?

– Ничего я против тебя не затаила. Нед, послушай, просто мне хочется поскорей со всем этим покончить.

– Я тогда напился. Я ничего не соображал.

– Нед, о чем разговор? Я же сказала – это все не важно.

– Так за что же такое отношение?

Она сидела у большого стола с внушительным письменным прибором. Нед положил ладонь на ее руку. Говорили они на английском, которого не понимал маленький судья, и тот кашлял, отворачивался и наконец пылко заинтересовался картиной, висевшей над книжной полкой. Чувствуя пожатие руки Неда, Ева вдруг забеспокоилась, уж не хотят ли ее силком вернуть к мужу.

В общем-то, Нед говорил правду. При всем его обаянии и уме жестокость его была неосознанной, как у малого ребенка.

Жестокость – даже та смехотворная «нравственная» жестокость, которую Ева всегда презирала как фарисейский выверт, – одна могла бы фигурировать в качестве причины развода. Но обвинение в измене действовало куда быстрее и вернее. Ну и все. И хватит. Было в их совместной жизни с Недом такое, что Ева скорее бы умерла, чем стала бы рассказывать на суде.

– Брак, – возвестил судья, адресуясь к картине над книжной полкой, – единственное счастливое состояние как для мужчины, так и для женщины.

– Ева, – сказал Нед, – можно, я последний раз попытаюсь исправиться?

Как-то в гостях один доморощенный психолог объявил Еве, что она исключительно внушаема. Но и ее внушаемость имела границы.

Прикосновение Неда не тронуло ее, скорее даже возмутило. Конечно, по-своему Нед ее любит. На секунду она почувствовала искушение, искушение сказать «да» и покончить со всей этой волынкой. Но сказать «да» по доброте сердечной и во избежание неприятностей значило вернуться к Неду, к его повадкам, к его дружкам, к тому образу жизни, когда все время хочется отмыться и ничего из этого не выходит. Ева сама не знала, расхохотаться ли ей прямо в бачки судье или разразиться слезами…

– Мне очень жаль, – ответила она и поднялась.

Лицо судьи просияло надеждой.

– Мадам, кажется, сказала…

– Да нет, ни черта не получится, – буркнул Нед.

На мгновение она испугалась, что сейчас он что-нибудь разобьет, как всегда, когда на него находит одна из обычных его вспышек. Но если на него что и нашло, то тут же отпустило.

Он пристально смотрел на нее, поигрывая монетами в кармане. Он улыбался, демонстрируя отличные зубы. В углах глаз прорезались морщинки.

– Знаешь, а ты ведь в меня до сих пор влюблена, – заключил он с простодушием, показывающим, что он действительно убежден в этом.

Ева взяла со стола сумочку.

– Погоди, я тебе еще это докажу, – добавил он. Увидев, какое у нее сделалось лицо, он еще шире улыбнулся. – Нет, не сейчас. Я дам тебе время поостынуть или разогреться – уж как там хочешь. Пока что я исчезаю. А вот когда вернусь…

Он не вернулся.

Решившись не обращать внимания на соседей, однако мучительно опасаясь их пересудов, Ева осталась на побережье. Она напрасно беспокоилась. Никому не было дела до того, что произошло на вилле Мирамар по рю дез Анж. На курортах, подобных Ла-Банделетте, с их быстротечными светскими сезонами и деньгами проигрывающихся в казино американцев и англичан, люди не отличаются любопытством. Ева Нил не знала никого на рю дез Анж, и ее никто не знал.

Пока весна переходила в лето, на побережье толпами валили приезжающие. Причудливо раскрашенные диковинные фронтоны Ла-Банделетты напоминали города из фильмов Уолта Диснея. Воздух пропитался ароматом хвои; по широким улицам, позвякивая, проносились открытые экипажи; рядом с казино пристроились две главные здешние гостиницы – «Замок» и «Британия», пестревшие навесами и вздымавшие в небо ложноготические башни.

Ева обходила стороной казино и бары. Суматошная жизнь с Недом Этвудом привела ее к нервному перенапряжению и безразличию – опасное сочетание. Она скучала, но чуралась общества. Иногда она играла в гольф – рано поутру, когда никого еще нет на поле, – или пускалась в прогулки верхом вдоль прибрежных дюн.

Потом она познакомилась с Тоби Лоузом.

Семья Лоузов, как назло, жила прямо напротив ее виллы на рю дез Анж. Улица была маленькая, узкая и застроена белыми и розовыми домами, с небольшим огороженным садом подле каждого. Улица была до того узка, что все происходившее в этих домах свободно открывалось взорам тех, кто обитал через дорогу, и это могло вызвать неуместные размышления и кривотолки.

За время жизни с Недом Ева не однажды бегло замечала соседей напротив. Пожилой господин – как выяснилось, сэр Морис Лоуз, отец Тоби, – несколько раз поглядывал на них будто в недоумении. Его приятное лицо затворника запомнилось Еве. Были там и рыжеволосая девица, и бодрая пожилая дама. А самого Тоби Ева не видела ни разу до того самого утра за гольфом.

Стояло жаркое и тихое июньское утро. Ла-Банделетта еще спала, зеленое поле еще блестело росой, а сосны, заслонявшие море, томились от зноя. Ева играла плохо и угодила мячом в песок. Раздражительная и злая после бессонной ночи, она сбросила с плеча мешок с клюшками и швырнула наземь. Игра ей надоела. Она присела и стала думать, как бы спасти мяч. Она все еще думала, когда чей-то чужой мяч прожужжал у нее над ухом, описал траекторию и бухнулся в траву на краю лужайки. Мяч покачался по краю лунки и скатился в песок всего в метре от мяча Евы.

– Идиот, – заметила Ева громко.

Вслед за этим высказыванием над краем лунки сначала выросла голова, а затем вырисовалась и вся фигура молодого человека. Он смотрел на Еву.

– Господи! – воскликнул он. – Я и не знал, что вы тут.

– Ладно, ничего.

– Я не хотел вам мешать. Я бы крикнул. Я бы…

Он спустился вниз и сбросил с плеча тяжелый мешок, где было не меньше двух дюжин клюшек. Это был крепкий, не слишком красивый, несколько скованный, благовоспитанный молодой человек, и давно уже Ева не видела такого приятного выражения лица. Густые темные волосы были подстрижены ежиком. Усики придавали ему некоторую лихость, совершенно не вязавшуюся со всей его повадкой.

Он уставился на Еву. Все было честь по чести, только вот покраснел он ужасно. Ева заметила его отчаянные усилия согнать краску с лица, заметила, что он явно клянет себя в душе на чем свет и, однако, еще пуще краснеет.

– Я вас уже видел, – объявил он.

– Правда? – удивилась Ева, сознавая, что выглядит в данную минуту не лучшим образом.

И тут Тоби Лоуз одним простодушием достиг того, на что ушли бы долгие месяцы дипломатических хитростей.

– Скажите, – спросил он, – вы все еще замужем или как?

Раунд они закончили вместе. Не позже чем на следующий день Тоби Лоуз объявил дома, что познакомился с изумительной женщиной, которая была замужем за мерзавцем, но держится так, что не может не вызвать всеобщего восхищения.

Что верно, то верно. Но обычно подобные заявления не слишком тепло принимаются родителями молодых людей.

Ева, как ей казалось, хорошо изучившая свою среду, так и видела реакцию семейства Лоузов. Она легко представила себе безразличные мины за ужином, покашливания, косые взгляды, небрежное «о, в самом деле, Тоби?» и далее – замечание о том, что недурно бы поглядеть на эдакое совершенство. Что касается женской части семейства – леди Лоуз и сестры Тоби Дженис, – то от них Ева ожидала враждебности, едва прикрытой приличием.

Поэтому ее поразило то, что произошло на самом деле.

Они просто-напросто ее приняли. Пригласили на чашку чая в роскошном саду за виллой. Не успели обе стороны произнести и десяти слов, как стало ясно, что все в порядке и они подружатся. Такое бывает. Даже в обществе, каким знал его Нед Этвуд – и, увы, мы с вами тоже, – такое бывает. Недоумение Евы сменилось горячей признательностью; она оттаяла; она даже испугалась, до того ей стало хорошо.

Елене Лоуз, матери Тоби, Ева, безусловно, понравилась. Двадцатитрехлетняя рыженькая Дженис прямо чуть не влюбилась в нее и шумно восхищалась ее красотой. Дядя Бен, хоть больше молчал и покуривал трубку, неизменно принимал ее сторону в споре. Старый сэр Морис то и дело интересовался ее мнением по поводу экспонатов своей коллекции. Это был акт высшего признания.

Что же касается Тоби…

Тоби был очень славный юноша и самых строгих правил. Это мы заметили вовсе ему не в упрек. Может, он чуть-чуть и пыжился, но его выручало чувство юмора.

– Ничего не попишешь, приходится, – заявил он.

– Что тебе приходится? – сказала рыженькая Дженис.

– Быть женой Цезаря, – ответил Тоби. – Заведующий местным отделением банка Хуксона, – он явно смаковал свой титул, – должен вести себя безупречно. Лондонские банки забулдыг не держат.

– Будто бы только лондонские? – поинтересовалась Дженис. – По-моему, даже во французском банке редко встретишь кассира, прячущего под конторкой красоток или наклюкавшегося во время работы.

– Можно подумать, – задумчиво вставила Елена Лоуз, – что пьянство и разгул изо всех сил поощряются в остальных банках мира.

Тоби несколько смутился. Он погладил усики и ответил совершенно серьезно.

– Банк Хуксона, – сказал он, – один из старейших в Англии. В этом самом помещении Хуксоны работали с незапамятных времен, когда были еще золотых дел мастерами. – Он повернулся к Еве. – У папы в коллекции даже есть такая золотая штучка, которая служила им эмблемой.

Тут, как обычно, последовала напряженная пауза. Хобби сэра Мориса – его коллекция служила мишенью для острот в семье, признававшей, однако, что среди разного хлама там попадаются просто чудесные вещицы.

Помещалась коллекция у него в кабинете, в просторной комнате во втором этаже окнами на улицу. Вечерами он засиживался допоздна с лупой в руке над своими сокровищами. Ева и Нед в недоброе старое время несколько раз смотрели из спальни на незанавешенное окно напротив, на старика, запомнившегося ей славным лицом, и на застекленные горки вдоль стен.

О том времени не было сказано ни слова. Для семейства Лоузов никакого Неда Этвуда словно бы никогда и не существовало. Правда, сэр Морис как-то коснулся было этой темы, но тотчас перешел на другое, бросив на Еву странный взгляд, значение которого осталось ей неясно.

А к концу июля Тоби уже сделал ей предложение.

Ева сама не отдавала себе отчета в том, как серьезно она на него рассчитывала; насколько она истомилась по тихой пристани; до чего ей хотелось открыто улыбаться и веселиться без оглядки на людской приговор. На Тоби вполне можно положиться. Правда, иной раз он обращался с нею совсем как с хрустальной вазой, но это, как ни странно, вызывало в ней только удвоенную нежность.

В Ла-Банделетте был тогда простенький ресторанчик под названием «Лесной», где ужин подавали на открытом воздухе под сенью разубранных китайскими фонариками деревьев. Ева в тот вечер была особенно хороша в жемчужно-сером платье, оттенявшем ее нежно-розовый румянец. Напротив нее сидел Тоби, беспокойно поигрывал ножом и на сей раз ничуть не пыжился.

– Ну вот, – прямо приступил он к делу. – Я знаю, что недостоин вас, – («Тут Нед Этвуд просто держался бы за бока!»), – но я очень вас люблю и надеюсь, что вы будете со мной счастливы.

– Привет, Ева, – произнес чей-то голос у нее за спиной.

На одну страшную долю секунды ей почудилось, будто голос принадлежит Неду Этвуду.

Правда, это оказался не он, но все же один из его дружков. Вот уж не ожидала она встретить кого-нибудь из них в «Лесном». Как правило, в разгар сезона они ужинают в половине одиннадцатого, а потом отправляются в казино, где и просиживают ночь напролет, ловко играя по маленькой. Ева опознала осклабленное лицо, но имени не припомнила.

– Станцуем? – томным голосом предложил господин Безымянный.

– Спасибо. Я сегодня не танцую.

– О, виноват, – бормотнул Безымянный и ретировался.

Она, кажется, вспомнила, где они встречались; ей даже почудилось, что он смеется ей в лицо.

– Это ваш друг? – спросил Тоби.

– Нет, – ответила Ева. Оркестр снова заиграл, на сей раз вальс, модный в позапрошлом сезоне. – Друг моего бывшего супруга.

Тоби откашлялся. Возможно, он романтически идеализировал Еву и сочинил для себя образ какой-то небывалой женщины, но ее последние слова кольнули его, как булавкой. Прежде они почти не говорили о Неде Этвуде, точнее, Ева так и не сказала Тоби правды. Просто объяснила, что они с Недом не сошлись характерами. «А вообще он очень милый» – и эта легкая реплика долго терзала флегматичную душу Тоби жесточайшей ревностью.

Он откашлялся в десятый раз.

– Ну а по другому вопросу… – выговорил он наконец. – Относительно предложения… Если вам нужно время подумать…

Оркестр нагнал на Еву мрачные воспоминания.

– Я… Я ведь понимаю, что не стою вас, – продолжал Тоби, вертя в руке нож. – Но если б вы хоть намекнули, будет ли ответ положительный или отрицательный, да или нет…

Ева через стол протянула к нему руки.

– Да, – сказала она, – да, да, да!

Секунд десять Тоби не мог выдавить ни звука. Он облизал губы. Он взял ее руки в свои так осторожно, словно прикасался к хрустальной вазе; потом, спохватившись, что на них смотрят, тотчас их отдернул. Благоговение в его взгляде смутило и даже обескуражило Еву. На секунду она усомнилась в том, знает ли Тоби Лоуз хоть *что-нибудь* о женщинах.

– Ну? – сказала она.

Тоби долго вникал в ее замечание.

– По-моему, надо еще выпить, – заключил он. И покачал головой, задумчиво и ошеломленно. – Знаете, сегодня самый счастливый день в моей жизни.

В последний день июля они объявили о своей помолвке.

Две недели спустя в баре «Плаза» Нед Этвуд узнал эту новость от только что приехавшего в Нью-Йорк приятеля. Несколько минут он сидел как пришибленный и безжалостно вертел ножку рюмки. Потом встал, вышел из бара и заказал каюту на «Нормандии» на послезавтрашний рейс.

А над одной виллой по рю дез Анж, нежданно-негаданно для всех троих, уже собрались черные тучи.

Глава вторая

Было четверть первого ночи, когда Нед Этвуд свернул с бульвара Казино на рю дез Анж.

Дальний луч маяка прорезал небо. Дневной зной спал и напоминал о себе лишь жаром раскаленного асфальта. Ла-Банделетта затихла. Немногие курортники, оставшиеся на мертвый сезон, торчали в казино, играя до рассвета.

Поэтому никто не видел молодого красавца в ворсистом темном костюме и мягкой шляпе, слегка помедлившего, прежде чем свернуть на рю дез Анж. Зубы его были плотно сжаты, а глаза остекленели так, будто он совершенно пьян. Но в ту ночь, по крайней мере, Нед не прикасался к спиртному. Его пьянили чувства.

Ева до сих пор его любит; вот в чем он себя убедил.

Он дал маху (и теперь ругал себя за это), во всеуслышание похваляясь сегодня вечером на террасе «Замка», будто Еве никуда от него не деться. Зря он это. Надо бы явиться в Ла-Банделетту тихо, незаметно, вот так, как он идет сейчас по рю дез Анж с ключом от Евиной виллы в руке.

Вилла Мирамар, где жила Ева, была средняя по левой стороне улицы. Приблизясь к ней, Нед невольно оглянулся на дом напротив. Как и Мирамар, вилла Лоузов представляла собой просторную постройку из белого камня под ярко-красной черепичной крышей и стояла тоже чуть в глубине улицы за высокой стеной с решетчатыми железными воротами.

Увидел Нед как раз то, что и ожидал увидеть. В первом этаже – темно. Во втором этаже – темно, кроме двух светящихся окон в кабинете сэра Мориса. Стальные ставни не закрыты, шторы не задернуты.

– Порядок! – громко сказал Нед и всеми легкими вдохнул душистый прибрежный воздух.

Хотя вряд ли он мог опасаться, что старик его услышит, все же он старался не производить лишнего шума. Он тихонько открыл ворота в стене, которой была обнесена вилла Евы, и заспешил по тропке к парадной двери. Он вставил в замок ключ, оставшийся ему от более светлых, во всяком случае, более бурных дней, снова глубоко вздохнул, помолился про себя языческим богам и двинулся вперед согласно своему плану.

Спит Ева или нет? Темные окна виллы Мирамар ровным счетом ничего не означали. У Евы всегда была кошмарная привычка непременно зашторивать все окна, как только стемнеет.

Но и в прихожей было темно. Запах мебельного лака и кофе, словно въевшийся во все французские жилища, живо напомнил Неду о мельчайших подробностях прошлого. Он ощупью, на цыпочках пробрался к лестнице и стал подниматься.

Узкая изящная лестница с бронзовыми витыми перилами бежала вдоль стены. Крутые ступеньки покрывал ковер, укрепленный особыми медными прутьями, которые теперь уже повывелись. Сколько раз он, бывало, поднимался в темноте по этим ступенькам! Сколько раз он прислушивался к тиканью часов и сдерживал дикий стук сердца: ведь он любил ее и боялся, что она ему изменяет. Прутик у одной из самых верхних ступенек (недалеко от двери в спальню Евы) отстал. Нед не однажды об него спотыкался и как-то раз даже орал, что когда-нибудь наверняка сломает себе тут шею.

Нед одной рукой держался за перила. Ева еще не легла. Он увидел узкую полоску света под дверью спальни. Отвлекшись этой полоской света, Нед позабыл про злополучный прутик и, конечно, растянулся.

– О, черт, – громко выругался он.

Ева Нил услышала шум.

Она поняла, кто там.

Ева сидела перед зеркалом за туалетным столиком и расчесывала волосы, медленно, ровно проводя по ним щеткой. Горела только лампочка над зеркалом, выхватывая из темноты

пышные каштановые волосы, падавшие по плечам Евы, нежное лицо и яркие серые глаза. Когда Ева откидывала голову вслед за взмахом щетки, открывался нежный изгиб ее шеи над безукоризненными плечами. На ней были белая шелковая пижама и атласные туфельки.

Ева не обернулась. Она продолжала расчесывать волосы. Но она вся сжалась от страха, когда за ее спиной отворилась дверь и вслед за тем в зеркале отобразилось лицо Неда Этвуда.

Нед, трезвый как стеклышко, однако же, чуть не плакал.

– Послушай, – начал он из полуоткрытой двери. – Ты этого не сделаешь!

Ева услышала собственный голос. Страх ее не улегся. Отнюдь. Но она продолжала расчесывать волосы, может быть, для того, чтобы скрыть дрожь в руках.

– Я так и подумала, что это ты, – проговорила она спокойно. – Ты что, совсем с ума сошел?

– Нет. Я…

– Ш-ш, ради бога, тише!

– Я люблю тебя, – сказал Нед и распростер объятия.

– Ты же мне клялся, что потерял ключ. Значит, опять наврал?

– Не время сейчас ругаться из-за пустяков. Ты что, всерьез выходишь за этого Лоуза?

– Да.

Оба невольно глянули на плотно занавешенные окна. У обоих, видимо, мелькнула одна и та же мысль.

– Неужели нельзя помнить об элементарных приличиях? – сказала Ева.

– Мне не до них. Я тебя люблю.

Он и вправду чуть не плакал. Актерство? Нет, не похоже. На мгновение, по крайней мере, он отбросил свою великолепную самоуверенность и ленивую издевку, с которой относился ко всему на свете. Но это быстро прошло. Нед снова стал самим собой. Он подошел к постели, швырнул на нее шляпу, а сам уселся в кресло.

Ева с трудом сдерживалась, чтоб не сорваться на крик.

– В доме напротив… – начала она.

– Знаю, знаю!

– Что ты знаешь? – спросила Ева. Она повернулась на туалетном стульчике и посмотрела Неду в лицо.

– Старик, сэр Морис Лоуз…

– О! Ну и что же ты про него знаешь?

– Он каждую ночь засиживается допоздна над своей коллекцией, или как ее там. И из твоего окна виден его кабинет.

В жаркой спальне пахло хвойным экстрактом и сигаретами. Удобно развалясь в кресле, перекинув длинную ногу через подлокотник, Нед оглядывал комнату. На лице его все резче обозначалась издевка. Лицо это было не просто красивое; лоб, глаза, очертания рта изобличали человека впечатлительного и не лишенного известной тонкости.

Он оглядывал знакомые стены, обитые темно-красным атласом. Он заглянул во все зеркала. Посмотрел на кровать, где на одеяле покоилась его собственная шляпа. Посмотрел на телефон возле кровати. Посмотрел на сиротливую лампочку над туалетным столиком.

– Они очень добропорядочные, верно ведь? – спросил он.

– Кто?

– Ну эти Лоузы. Если б старикан узнал, что ты принимаешь дорогого гостя в час ночи…

Ева хотела было встать, но снова села.

– Не волнуйся, – грубо сказал Нед. – Я не такая сволочь, как ты думаешь.

– Тогда, пожалуйста, уходи отсюда.

– Я только одно хочу знать, – настаивал он отчаянным голосом. – Зачем? Зачем тебе выходить за этого болвана?

– Потому что, представь себе, я его люблю.

– Чепуха. – Нед отмел ее объяснение с высокомерным спокойствием.

– Ну хорошо, – сказала Ева. – Ты еще долго будешь высказываться?

– Нет, ты это, конечно, не из-за денег, – размышлял он. – Что это с тобой? Ты стала другая.

– Правда?

– Откуда такая святость? Была человек как человек. А с тех пор как познакомилась с этими Лоузами, такой добродетелью заделалась, что куда там Лукреции.

– Правда?

Наступило неприятное молчание. Тяжело дыша, Нед вскочил на ноги.

– И не надоело тебе повторять одно и то же? «Правда, правда»! И нечего мне внушать, будто ты влюблена в этого Тоби! Хватит!

– Нед, послушай, а что ты имеешь против Тоби Лоуза?

– Ничего, просто всем известно, что он надутый болван. Да пусть он хоть распрекрасный, хоть расчудесный – он не для тебя. А вот я для тебя. Ну что, ну что, – заорал Нед, адресуясь к зеркалу, – ну что делать с такой женщиной? – Он выдержал паузу и добавил тоном, который она, увы, прекрасно знала по прежним временам: – С ней можно делать только одно.

Ева вскочила.

– Ты до того прелестна, – заявил Нед, – особенно в этой пижамке, что и святой бы не выдержал. А я не святой.

– Не смей ко мне прикасаться!

– Мне кажется, – Нед вдруг сник, – что я просто злодей из мелодрамы. А героиня дрожит от страха и не решается позвать на помощь из-за… – Он кивнул на окно. Тут тон его снова переменился. – Ладно, – усмехнулся он. – Злодей так злодей. Прощелыга так прощелыга. Зато тебе будет хорошо.

– Я буду драться, предупреждаю!

– Ну и прекрасно! Так даже лучше!

– Нед, я не шучу.

– А я разве шучу? Ты будешь драться. Но только сперва. Я не возражаю.

– Ты всегда заявлял, что тебе плевать на приличия. Но ты всегда похвалялся, что соблюдаешь правила игры…

– А ты не думаешь, что старый осел напротив может нас услышать?

– Нед, что ты делаешь? Немедленно отойди от окна!

Тут Ева наконец вспомнила про лампочку над туалетным столиком. Она нащупала у себя над головой выключатель, и комната погрузилась во тьму. На окнах были плотные шторы; под ними висели еще кружевные занавески. В комнату повеяло холодком, когда Нед нащупал и завернул уголок шторы. Он вовсе не собирался без крайней надобности причинять Еве неприятности; и то, что он увидел, его успокоило.

– Сэр Морис еще не лег? Да?

– Да, он еще не лег. Но ему не до нас. Он рассматривает в лупу какую-то табакерку. Постой!

– Что там такое?

– С ним еще кто-то, но мне его плохо видно.

– Наверное, Тоби. – Ева с шепота перешла на сдавленный крик: – Нед Этвуд, отойдешь ты от окна или нет?

Тут оба вспомнили, что лампочка выключена.

Слабый свет, пробивавшийся с улицы, осветил лицо отвернувшегося от окна Неда. Наивному детскому удивлению, с каким он воспринял темноту в комнате, явственно противоречила ехидная складка у губ. Он выпустил из рук штору, и в комнате воцарилась тьма.

В спальне было нечем дышать. Ева нащупывала выключатель, но никак не могла найти. Оставя свои попытки, она вскочила со стула у туалетного столика и метнулась прочь от Неда.

– Послушай, Ева…

– Это просто смешно. Зажги-ка лучше свет.

– Как я его зажгу? Тебе ведь там ближе.

– Нет… Я…

– О, – сказал Нед очень странным тоном.

Она уловила этот тон и еще больше испугалась. В голосе Неда была нотка торжества.

Он не хотел, да и не мог понять из-за своего самомнения, что попросту ей противен.

Ситуация сложилась мало сказать неловкая, просто жуткая. Звать на помощь Еве и в голову не приходило. Что угодно, только не это. Хотя, казалось бы, чего проще было позвать, скажем, служанок, и дело с концом.

Ева Нил просто-напросто считала, что никто не поверит ее объяснению. Такого не бывало и не будет. Так подсказывал ей жизненный опыт. По правде говоря, служанки для нее сейчас были чуть ли не страшнее Лоузов. Служанки сплетничают, судачат за спиной, сто раз перетолковывают одно и то же, и каждый раз с новыми подробностями. Например, эта новая, Ивета…

– Ну серьезно, объясни, – холодно проговорил Нед, – зачем тебе выходить за Тоби Лоуза?

Ее голос резко вырвался из темноты, хоть говорила она негромко:

– Ради бога, уходи. Ты не веришь, что я люблю его? Но это правда. И вообще я не обязана перед тобой отчитываться. Хватит. Ты что, имеешь на меня права?

– Имею.

– Какие, интересно?

– А это я тебе сейчас покажу.

Он совершенно отчетливо представлял себе каждое ее движение, хоть тьма в комнате была кромешная. По скрипу пружин и по шороху он установил, что она схватила кружевной халат, лежавший в ногах кровати, и натягивает на себя. Не успела она влезть в один рукав, как Нед уже очутился рядом.

Еву терзал еще дополнительный страх. Более опытные приятельницы уверяли ее, будто женщина никогда не забывает своего первого любовника; она думает, что его забыла, ан нет. Ева была не каменная: столько месяцев она провела одна; а у Неда Этвуда есть подход… Что, если?..

Она неловко, но изо всех сил отталкивала его.

– Пусти! Мне больно!

– Ну, будь умницей…

– Нед! Не смей! Служанки…

– Глупости. Подумаешь, старуха Мопси.

– Никакая не Мопси. У меня новая. И я ей не доверяю. Она, по-моему, за мной шпионит. Ну неужели же в тебе нет ни капли порядочности…

– Ева, Ева…

– Нет!

Ева была высокая, всего на два дюйма ниже Неда. Не будучи сильным, тело ее отличалось редкой гибкостью. И даже одурманенному сознанию Неда не могло не открыться, что здесь не кокетство, а настоящее сопротивление. Такие вещи ведь чувствуются, а Нед Этвуд был не дурак.

Но, сжимая Еву в объятиях, он уже совершенно потерял голову.

И вот тут-то раздался пронзительный телефонный звонок.

Глава третья

Пронзительность телефонного звонка всегда мучительна для нервов. Сейчас, в темноте спальни, звонок неистовствовал с яростью обвинения. Он звенел и звенел. Ева и Нед одновременно вздрогнули и понизили голоса, словно телефон мог их подслушать.

– Не снимай трубку, Ева.

– Пусти меня. А вдруг…

– Глупости. Пускай себе звонит…

– А вдруг они видели?

Телефон стоял совсем близко. Ева невольно протянула руку к трубке. Нед цепко ухватил ее за запястье. Ева попыталась вырваться, телефон с грохотом опрокинулся, трубка упала на стол.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.